В шаге от рая -4/ мистический хоррор

Category: Kitarcy, Mistika we fantastika

написано kitarcy | 22 января, 2025

В шаге от рая -4/ мистический хоррор Суетной понедельник

Было уже девять, утра и Александр проснулся на больничной своей койке. Было, насколько он помнил, теперь воскресенье. Ожоги болели на его обожженных огнем руках. - «Как только, так меня угораздило!» - возмутился сам на себя он – «Вроде жизненный боевой опыт есть, а сам так лохонулся!». Он сел, поднявшись на больничную постель. Теперь не тошнило, и было как-то уже легче. После капельницы, что поставили после того как ему было дурно и видимо сон помог более менее прийти в себя. Еще здоровье, которое Александру было не занимать. Занятия спортом попутно с его личными изысканиями и увлечениями тоже сделали свое благое на его состояние дело.

Он осмотрелся вокруг. Кругом лежали такие же, как и он. Это была травматология и ожоговый центр города. Сюда видимо всех свезли после того большого пожара.

Он вдруг вспомнил о Якове и как сюда попал. Надо было выбираться, но как? Не смотря даже на ожоги на руках. Нужно было туда, куда он тогда с вечера субботы на воскресенье ехал. Да и Яков не знал где он Александр теперь. Он потерял свой на том пожаре телефон. – «Вот черт!» – подумал Александр – «И телефона, теперь нет!». Он и так провалялся здесь всю ночь и не знал, как там обстоят дела у Якова. Может он уже на допросе в милиции. И может их конторку уже давно закрыли и опечатали. – «Эта чертова умершая старуха!» – снова подумал Александр – «Все из-за нее!».

Он встал с кровати и пошел. Пошел в коридор из

палаты. Надо было в туалет, а потом бежать отсюда. Так он решил. Не взирая, на ожоги рук, он Александр решил покинуть эту больницу.

Алина спешила хромя по выбранному ей адресу. Сегодня был уже понедельник и время уже десять часов, и надо было пропустить школу ради этого случая. Алина оделась как в школу, чтобы мама ничего не заподозрила и на вопрос, почему Алина хромяет, она ответила ей, что немного ушибла в своей спальне об ученический стол ногу. Мама пожалела свою дочь и сказала быть впредь осторожнее, не увидев ее раны на прелестном бедре своей юной прошедшей возраст становления от девочки к женщине школьницы дочери. А Алина решила, что чего-нибудь да придумает в знак своего оправдания если, что. Но надо было что-то ей сейчас делать. Она взяла свой школьный старшеклассницы портфель и выскочила быстренько за дверь родительской квартиры и вошла в лифт.

Вопрос был жизненно важный, и Алина спешила и думала о том, как бы только он этот Яков Могильный был там по тому адресу, и не пришлось искать, кого-то, еще если что. Она даже списала номер телефона студии и теперь еще позвонила для верности по тому номеру. Номер, правда, не отвечал, и Алина ехала на автобусе и думала только о том, чтобы застать экстрасенса медиума на его рабочем месте.

Алина проехала пару кварталов и выскочила на автобусной остановке. Она пошла по заданному адресу и молилась, чтобы этот Яков Могильный был на своем месте. Мимо Алины прошел священник. Он видимо направлялся в свою церковную епархию, а может просто в монастырь. Алина, пройдя его мимо подумала о том, может сходить в церковь. Алина остановилась раздумывая. Но она не крещеная. Да и поможет здесь церковь? Вряд ли. Решила так она и пошла дальше хромя на свою правую девичью ногу.

Миленхирим проснулся. Уже было десять часов, и он это сам по себе знал. Он, опустился на свои и Вадика ноги от потолка спальни Вадика, вися там всю ночь горизонтально возле спаленной люстры и видя Небесные сны, которые ему снились всю его ангельскую жизнь. Мало того он увидел своего любимого Умбриэля, и он ему говорил о его земной теперь миссии. Миленхирим видел и своего Отца Бога, и он обещал ему перед стоящими у его Небесного Трона братьями помилование для него и его младшего брата Элоима.

– Какой чудесный был сон! – вслух сказал сам себе Миленхирим. Он поглядел в окно на чистое сентябрьское небо – Правда, Умбриэль?! – он как бы спросил незримо его. Спросил сам себя и вспомнил их недавнюю встречу и любовь.

Миленхирим опустился ногами на пол Вадика комнаты и пошел к его маме, которая копошилась как раз на кухне. На кухонных часах было десять. Мама показала ему на еду, стоящую на столе и то, что он опоздал в школу. Она была не очень довольна лентяем сыном и ворчала на него. Она не стала его сегодня будить. - «Вот и прекрасно» – подумал Миленхирим – «Это еще хорошо, что так получилось. А если бы она его застала висящим под потолком во сне». Он даже не стал об этом долго сейчас думать. Надо было думать о предстоящем деле, деле которое не получилось вчера. Ему надо было подкатить к Алине и подобраться поближе через нее к своему младшему брату Элоиму. Вчера это оказалось не возможным. Алина была до позднего времени на даче с родителями. Но вот сейчас надо было попробовать. Весь день впереди.

Он снова, поцеловал в щеку, молча маму, чтобы она не разорялась на него и не пилила по поводу учебы и опоздания в школу, и, одевшись, как ученик старшекласник удалился из квартиры. Взяв в руки портфель с книжками и тетрадками, Мидленхирим поспешил на автобус. Но не в

школу, как обещал своей временно приемной маме, а в сторону, где жила Алина. Он решил так. Если ее даже там, в доме не застанет, то проберется в ее квартиру в ту ее девичью спальню, и там уже ее будет теперь ждать. Время его подгоняло, и надо было быстро действовать.

Александр бродил по больнице в одежде больного и думал, как отсюда можно было бы смыться. Он прошарил, молча все закоулки, и входные двери и пришел к выводу, что все вполне возможно, хотя почти, все было закрыто. К нему почему-то не приставали ни врачи ни санитары. Он так бродил довольно долго по всей больнице и вдруг наскочил на небольшого роста молодую симпатичную очень живую школьницу.

– Приветик! – она ему сказала сама – Вы тоже здесь! Как здорово, что я вас встретила!

– А, кто ты? – Александр пребывал в недоумении, что его узнала какая-то малолетка, которой он совершенно не знал

– Я тебя знаю?

– Да! Должны знать! – почти чуть не крича, ответила девчонка – Вы нас с Ксюхой вытаскивали из горящего бара!

– Из бара? – переспросил Александр.

– Ну, да! – ответила, громко, оглушая его девчонка – Вы тоже пострадали, как и моя подружка. Она лежит в соседней с вами палате!

Александр вспомнил свой вечерний тот подвиг на пожаре и вспомнил эту вертлявую малявку. Она прыгала и пищала громко с перепугу, ему, что ее подружка там застряла в окне и чтобы он ее спас.

– Вот, оно что – ответил он этой школьнице вертушке – Ну тогда, здравствуй, молодец, что живая. Не всем так повезло. Я по темноте то тебя и в этой суете даже почти не заметил.

Потом он обратился – Слушай – сказал Александр ей – Не в

службу, а в дружбу, поможешь сейчас мне?

– Да! А что! – она его громко спросила.

– Мне нужно, сделать отсюда ноги – сказал он ей – И мне нужна одежда. Любая, только чтобы подошла на меня. Мне очень нужно свалить отсюда. Понимаешь меня?

– Понимаю! – снова громко ответила ему девчонка – Помогу!

– Слушай. Не кричи ты так. Оглушила – и он малявку эту вертлявую спросил – Звать, то тебя как?

– Елена! – гордо, и уже по взрослому, так заявила она, совсем, не по-детски Александру.

– А меня, дядя Саша – он ей ответил – Можешь так теперь звать.

– Александр, значит – уточнила она и протянула ему маленькую девичью руку – Будем знакомы.

– Елена – спросил он ее, пожимая девчонке ее маленькую и худенькую руку.

– Да! – кокетливо ответила громко школьница Александру.

– А сколько Вам, Елена лет? – спросил Александр.

– Девятнадцать! А, что?! – ответила снова громко Елена и тут же поучительно заявила – Вообще-то у женщин это не спрашивают!

– Ну, надо же! – изображая удивление, улыбнулся Александр.

– А, что вы, смеетесь! – ответила возмущенно, на полном тепере серьезе вертлявка Елена – Я это знаю!

– Ну, надо же! – чуть вообще не засмеявшись, ответил ей Александр – Ну, тогда меня извините Елена, пожалуйста! Впредь буду знать, чего спрашивать у женщин, а чего не стоит.

– Угу! – согласилась с ним вертехвостка школьница – Вы бы еще такой вопрос задали моей подружке Алине.

– А кто, это? – спросил Александр.

– Я же сказала, подружка моя! Ей уже двадцать. И она знает много, что должна знать женщина! – ответила снова громко и опять по серьезному Елена.

– Прямо, таки все? – подталкивал к серьезному разговору соплячку школьницу Александр, сам того еще не зная, что скоро их пути с Алиной пересекутся в их штаб

квартире в том офисе и при жутких необъяснимых совершенно обстоятельствах.

– Вот только с мальчишками ей, как и мне не везет – с чувством горечи и тихо, произнесла Елена.

– А, че, так? – поинтересовался Александр – Вроде ты такая умная и хорошенькая. И не везет!

– А вот! – продолжила, дернувшись, эту тему Елена – Пацаны, не очень обращают на такую маленькую внимание!

– А Алина. Тоже маленькая? – спросил Александр.

– Не а! – отпарировала девчонка – Алина стройная и выше меня и еще она красивая!

– И не везет? – снова спросил, стараясь быть серьезным Александр, делая сочувственный вид.

– Да, нет! – ответила громко снова Елена – Вчера на дискотеке она познакомилась, с каким-то Вадиком! Из, соседней школы!

– И как? – спросил снова серьезно Александр.

– Не знаю, вроде задружили – ответила грустно и не так громко как-то вертушка – Он ее до дома провожал.

– А, вы со мной дружить будете?! – неожиданный задала девчонка вертушка вопрос. И Александр офонорел от такого серьезного вопроса этой Елены. Он осмотрительно посмотрел по сторонам. Может кто-то обратил на их такой странноватый диалог двух разнополовых да еще разновозрастных людей прямо в коридоре больницы внимание и решил поставить на всякий случай точку.

– Елена – он обратился к юной симпатичной попрыгушке.

– Да! – снова громко ответила молодая школьница вертлявка.

– С вами было очень интересно. Вы мне нарвитесь, как женщина. И я вам предлагаю возможность мне помочь. Вы не забыли?

Та, аж, подпрыгнула от счастья и чуть не кинулась к нему обниматься, но Александр уже это видимо предвидел и больной рукой в бинтах остановил такую живую маленькую любвеобильную по всему видно бестию. Слово они были уже сто лет знакомы, он сказал ей – Помогите

мне с одеждой Елена. И я вас никогда не забуду. Та, ничего уже не говоря, как сумасшедшая унеслась, куда-то по коридору больницы. И что оказалось, более странным, прилетела уже вскоре с кучей одежды из больничной раздевалки.

Александр даже, вылупил, от удивления свои глаза – Это еще, что такое! Воровство!

– Вам же нужна одежда! – громко сказала школьница Елена – Вот выбирайте!

Александр в недоумении долго смотрел на нее, и задал бы вопрос, как она это все провернула, но не было времени.

Они оба пока никто опять не заметил, молча и побыстрому, нырнули за угол в затемненный безлюдный лестничный к одному из выходов из больницы коридор и Александр, бросив на стоящие у стены скамейки все, что принесла в своих шустрых маленьких ручонках эта юная шустрая бестия.

– Вы мне, Елена, Оказали неоценимую услугу сегодня. И стали нравиться еще больше! – взбодрил Александр эту юную вертушку – Но, вот воровать не хорошо! Сейчас оденусь в то, что подойдет, а остальное отнесите обратно! Это ведь чье-то.

– Да, я понимаю – стараюсь говорить уже сдержаннее и чуть тише, выглядывая из-за угла, уже как закадычная ему подружка она ответила – Я так и сделаю.

Он посмотрел на девчонку пока, она, отвернувшись, смотрела из-за угла.

С виду действительно ничего.

Хорошенькая, такая на личико. Синенькие под вздернутыми черненькими бровями озорные глазки. Курносенькая с пухлыми девичьими не целованными, наверное, еще губками. И ножки ничего. Стройненькие полненькие. Из-под, короткой кожанки ее, в короткой мини-юбчонке. Кучерявые рыжеватые волосы до плеч. Но жаль для него слишком молодая. А так будь сам гораздо моложе, зацепил бы, наверное, ее. Ее вот такая заводная наивная молодой школьницы

безбашковая шустрость его просто заводила.

Он оделся, и остальное отдал ей и, сказал, чтобы отнесла, где взяла. И по-быстрому пока никто не спохватился.

Неожиданно девчонка подошла к Александру – Вы правда хотите со мной дружить? – она чуть ли не с отчаянием его тихо так спросила.

Этот вопрос и ее вот такое сейчас поведение его шокировало.

Александр не удержался, глядя в девичьи, чуть ли, не в слезах выразительные и трогательные, наполненные любовью к нему голубые глаза – Да. Обязательно буду, Елена – и поцеловал ее, наклонившись в губы, смотря через девичье плечо на то, чтобы никто этого не видел. Она присосалась к нему как пиявка, и он еле оторвал ее от себя – Лена – сказал он уже, мягко, жалея ее и уже по другому – Мне нужно идти, но я тебя найду после, честно и обязательно. Я тех, кто мне помог, не забываю.

– Честно?! – она от счастья сквозь радость даже заплакала.

– Честно, миленькая моя! Честно! – он потрясенный такой девичьей наивной прямоотой и влюбленностью, открыл щеколду дверного замка, и, не оборачиваясь, выскочил наружу.

Вослед он услышал громко девичий голос школьницы – Вы обещали!

Изигирь, тяжело с надрывом дышала своей искусанной острыми зубами до крови женской истерзанной от безудержной страсти Элоима полной грудью. Вздрыбленной вверх затвердевшими от возбуждения сосками. И качающейся из стороны в сторону. Под неудержимым напором страстного и неустанного в любви ненаглядного ее демона любовника Элоима. Она извивалась в очередном слиянии страсти и любви под ним своим женским Суккуба гибким телом, выгибаясь вверх и касаясь голым пупком

своего живота его живота, превратившись снова из черной змееподобной тени в это жуткое в новой форме чудовище. Разбросав во все стороны, из-под золотого обруча своей короны черные как смоль по изголовью каменного ложа любви длинные живые, как змеи волосы, она дико и бешено громко стонала, увлекая за собой в оргию сексуальной необузданной страсти самого лежащего на ней Элоима. Скаля острые как иглы зубы и открыв свой хищный в любовной долгой на этом ложе любви сексуальной неудержимой оргии женский с тонкими алыми губами рот, эта любви обильная демоница порочной ночи, внутри утробно ревела как дикий, бешенный зверь на весь черный лес.

Это было ее истинное лицо. Лицо и настоящая форма Суккуба. Не та, извивающаяся в танце живота миловидная наложница и рабыня смуглянка. Что перед ложем страсти и любви в том своем танце выражала свою дикую неудержимую страсть своему повелителю и господину. Как какому-нибудь восточному шейху или султану. И не та ползущая извиваясь змеей по белому, как молоко туману черная длинная тень. Нет. Вот она настоящая Изигирь. Демон и Суккуб в одном лице.

Широко раздвинув и расставив в стороны, свои в змеиной чешуе до колен она ноги. С длинными и кривыми черными когтями на пальцах, принимала в свою, бездонную вечно жаждущую только жаркой порочной страсти в обильной текущей смазке раскрытого как цветок Ада настезь влагалища, длинный торчащий как металлический стержень возбужденный и задранный вверх, оголенный от верхней плоти, член своего любимого Инкуба. Она, соприкасаясь с волосатым лобком любимого своим волосатым лобком, подымала свой женский широкий зад. Вверх и опускала его вниз, насаживая все глубже и заставляя скользить взад и вперед по тому мужскому детородному торчащему половому отростку, свою ту звериную

женскую промежность греха и порока. По торчащему, как аспид, члену своего вечно ею любимого изменника Элоима. Она прощала ему все. Все его перед ней измены. Даже ласковый и нежный секс со своими земными любовницами. Где Элоим их осторожно и нежно ласкал в облике прекрасного светящегося телом Ангела, стараясь не навредить больше чем надо, их лишал девственности. Она прощала все ради их совместной неудержимой бешеной и безудержной безумной любви. Любви на грани безудержного неуправляемого экстрима. Любви не способной выдержать ни одна его та земная любовница. Порочной той любви двух непотребных в жажде необузданных страстей и крови чудовищ. Их такая вот связь не была такой вот банально однообразной.

Их любовь порой и даже очень часто доходила до таких пределов, что они показывали свою истинную демоническую сущность.

Порой, очень часто вымазавшись в крови своих жертв, они, катаясь по их изорванным и истерзанным когтями и зубами останкам и сношались без устали и отдыха по многу часов, кончая друг в друга по очереди.

Вот и теперь, исцарапав в кровь всю спину любовнику длинными черными когтями пальцев женских Суккуба в змеиной чешуе рук, она распластала свои за спиной перепончатые как у летучей мыши с перепонками и прожилками сосудов пятнистые крылья, по сторонам их ложа любви, и обвила Элоима своим длинным извивающимся хвостом. Как удав свою жертву туго и крепко, его гибкую изгибающуюся в работе талию и напряженные нагие мужские ягодицы сношающегося с ней демона любовника. Закатив в диком сексуальном экстазе свои под веки большие черные горящие пламенем ада глаза на своем заостренном остроносом лице, Изигирь водила по его исполосованной ее когтями кровотокающей кровью спине своими в золотых браслетах руками. Наслаждаясь липкой ледяной черной жидкой текущей по его спине влагой. Она размазывала эту черную его кровь по его, выгибающейся

в сексуальных порывах и оргиях неудержимого страстного слияния с любимой широкой спине. И стонала и кричала как дикий зверь под сводами их полуразрушенного каменного древнего храма.

Элоим и сам не отставал от Изигири. Он ревел как бешеный зверь. И вонзил в ее плечи свои чешуйчатых рук загнутые острые звериные когти. Он засаживал до самого волосатого своего лобка, взад и вперед свой торчащий возбужденный огромный детородный оголенный от верхней плоти член в промежность любовницы, ударяя напряженными голыми своими мужскими демона ягодицами. Не переставая, кусал острыми иглообразными зубами ее Суккуба грудь, качающуюся по сторонам и торчащую перед его сверкающими горящими огнем кровавого сексуального бешенства глазами. Которая тыкалась востренными возбужденными окровавленными сосками ему прямо в его оскаленное лицо. Черная кровь Изигири текла по трясущейся в тяжелой любовной одышке полной груди, и стекала по сторонам, капая на каменное ложе любви под ними. Кровь со спины Элоима тоже капала туда же и она черными ручьями сливалась в одно целое с кровью Изигири, и кипела, пузырясь под ними жаром Ада.

Перепончатые и пятнистые в прожилках большие похожие на крылья летучей мыши, крылья Элоима, покрывали крылья Изигири. И сцеплялись друг с другом. Его длинный такой же, как и у нее похожий на удава хвост развивался над ними и свивался кольцами над обоими демонами любовниками от радости их общего любовного слияния. Белого цвета стелящийся по каменному полу туман заползал на их слившихся в неистовой любви на то каменное древнее, как и они сами ложе. Он, вился у его подножия и покрывал сверху двух демонов любовников, перетекая через них, и опускался на пол древнего призрачного храма с другой стороны.

Дикий звериный рев и стоны разносились вновь по затуманенному, свивающемуся клубами и ползущему медленно

и вяло у его нижнего полога корявому и страшному черному с вывернутыми на изнанку ветвями лесу.

Алина пришла по тому адресу, который был указан на висячей городской рекламе. Она точно пришла по заданному адресу, где был офис студия Якова Могильного. Она поднялась по высокому полукруглому у здания крыльцу в пристройке большого многоэтажного жилого дома и постучала в дверь.

Дверь ей открыл человек представившийся Яковом Могильным и сказал ей, что есть на косяке двери звонок. И что можно, было бы и позвонить.

Он проводил Алину к себе внутрь помещения и закрыл за собой дверь. Закрыл на ключ.

– Что, вы хотите? – поинтересовался Яков, сразу предупреждая Алину – Я пока не провожу сеансов. Мне запретили. Может, слышали о том, что тут произошло из новостей по телевизору.

– Нет, я не смотрю часто телевизор – сказала Алина – А вот то, что со мной произошло вас, может, заинтересовать – она вполне и по-взрослому рассудительно ему ответила. Алина подняла на глазах Якова свою и без того не очень длинную юбку и показала перебинтованную свою девичью красивую стройную ему ногу.

– Ну, и что это, за девичий стриптиз? – тихо и невозмутимо спросил Яков.

Алина сняла бинты, и Яков увидел тройную глубокую рваную на ее ноге рану. Рану от чьих-то когтей. Крови уже не было, но зато хорошо была видна рваная внутренняя плоть девичьей раненой неизвестным каким-то хищным животным ноги.

– Что, это? – он спросил ее – Что, вы мне это показываете?

– Я просто хочу, получить ответы на свои вопросы – ответила ему Алина. И она Якову все рассказала в подробностях. Разве, что только скомкано, как-то из стыда, наверное, рассказала про ее близкую связь с Элоимом.

Яков слушал, не отрываясь весь в подробностях Алинин рассказ. Он был потрясен теми событиями, которые произошли с Алиной в том ее рассказе. Все сходилось и с его теми наблюдениями и тем, что он сам успел увидеть. Ему самому было жутко интересно с научной и мистической стороны этого дела. Жалко Шурика нет рядом, и он куда-то запропастился с субботы на воскресенье. И сегодня его нет, и не звонит. Он обещал все узнать об этом Элоиме, про которого говорит эта к нему пришедшая Алина. Также как и та умершая здесь у него в студии Маргарита Львовна. Он не мог понять, только что может быть общего со старухой и этой молодой школьницей девчонкой. Он просто не мог понять разницу, с какой измеряются пространство и время между мирами.

Но, этот Элоим отметился и тогда и сейчас. И эта Изигирь, про которую говорит эта Алина. Он тоже имел возможность ее увидеть и надо сказать порядком струхнул. Но интерес к данной теме остался, и он не давал ему Якову Могильному покоя, ни днем, ни ночью.

Миленхирим снова стоял у дома Алины. Он пока не заходил внутрь подъезда. Он слез со второго маршрутного автобуса и стоял у подъезда дома, наблюдая по сторонам, за лающими друг на друга недалеко бродячими собаками и как дети под присмотром мам копаются в детской песочнице, радостно что-то громко лопоча и строя домики из песка.

Миленхирим смотрел, как падают с деревьев последние осенние желтые листья, и думал о своей задаче. Он чувствовал постоянно что-то, все время неладное. Все время что-то происходило, но он даже как ангел не мог определить что. Вот и опять что-то, что возможно связано с его родным братом Элоимом, где-то совсем

рядом. Но не рядом с ним. Он чувствовал его. Он чувствовал ментально-астральное энергополе уже на подходе к дому. Оно распространялось и выходило за рамки дозволенного.

Миленхирим поднялся к квартире Алины. – «Видно, здесь, я ее не застаю» – подумал он и решил все же поселиться на сегодня у нее дома.

Он позвонил в дверь квартиры и услышал за дверью чьи-то шаги. Дверь открылась и на пороге стояла в возрасте сорока лет женщина.

Миленхирим спросил Алину, но она удивленно в ответ спросила кто он такой. Это была ее мама, и она видимо Вадика еще не знала. Они расстались с Алиной после того вечера в подъезде дома и мама ее и папа Вадика не видели.

Он должен был войти в дом.

Но, надо сразу отметить, что Миленхерим не мог это сделать, так как мог, например, Умбриэль. Становиться невидимым. Проходить сквозь двери и стены и создавать и рассеивать молекулярно свое любое тело. Он был лишен этой благодати в знак наказания за свои перед Отцом провинности и был вынужден селиться в человеческих телах уже несколько сотен лет. Он должен был вернуть в себя все это и получить прощение своего Отца. Но, для этого он должен был в знак искупления вернуть своего брата двойника падшего до уровня Инкуба Элоима.

Миленхирим понял, что тут прохода нет, и сделал то, что всегда делал. Он применил гипноз. Да обычный ангельский гипноз, усыпив, маму Алины на время и следом за ней вошел в Алинину квартиру, прямо за ее спиной попутно свернув в Алинину комнату. Отца в это время не было дома. Видимо он был либо на работе, либо еще где. Он прошел в спальню Алины и остался там.

– О! Мой, ненаглядный, Элоим! – пропела ему ласково и

нежно на ложе любви Изигирь – лежа на его мужской Инкуба широкой с торчащими сосками груди и целуя ее.

– Я хочу от тебя детей! Я хочу их от тебя любимый мой падший Ангел Божий! – она слизывала с него его холодную черную кровь своим змеиным раздвоенным языком.

– Элоим! – она обратилась снова к нему – Пора завести свою семью! И твоя любовница Изигирь, сейчас не против!

– Изигирь обняла его, звеня золотом браслетов на своих женских в змеиной чешуе тонких когтистых руках, за шею.

– Я снова готова к нашей любви! Мой Элоим! – сказала громко, но нежно Изигирь Элоиму.

Она, шевеля извивающимся своим длинным хвостом, распахнула свои снова перепончатые крылья. Разбросав снова черные как смоль длинные по изголовью каменного ложа любви, из-под золотого опоясывающего ее голову коронного обруча свои волосы. Она, развернувшись, легла на женскую гибкую спину, и снова раскинула в стороны свои демонницы любовницы женские в чешуе до колен с черными на пальцах когтями ноги, подставляя опять свою ему Суккуба раскрывшуюся настезь для безудержной любви волосатую промежность – Войди же снова в меня! Мой ненаглядный Элоим! Я вся горю от страсти к тебе муж мой! Возьми же меня на этом каменном нашем ложе! Ложе нашей вечной любви! – она выгнулась вверх голым животом, и живота пупком к его зависшему над ней Элоима остроносому лицу, приподымая свою промежность и показывая свои ему половые новые выделения – Я не в силах больше ждать, Элоим! Я вся горю от тебя мой любимый! Возьми же меня! – шипя как змея, шептала сладострастно она ему и ерзала вправо и влево под ним. А он, размахивая и разгоняя кругами в стороны, над ними ползущий туман своими большими такими же, как у Изигири драконьими крыльями, и таким же шевеля над своим ложем любви и порока длинным, как удав хвостом, нюхал ее жадно всю своим острым прямым на своем лице Инкуба носом. От самого в ее Изигири волосатого лобка, разверзнутого как жерло Ада влагалища. До

раскачивающейся перед его красивым ангельским лицом ее полной в постоянном желании необузданного секса женской груди. С ее вечно торчащими вверх возбужденными и твердеющими сосками.

Он, полз медленно вверх по ней, наползая своей широкой зажившей уже от глубоких укусов и царапин, мужской грудью поверх ее женского гибкого, и под ним извивающегося как змея восстановившегося мгновенно от его острых зубов и укусов тела. Касаясь ее своими спадающими из-под, золотой, шипастой короны длинными русыми вьющимися живыми волосами и такими же возбужденными и торчащими твердеющими на груди сосками. Его большой в его волосатом лобке, жаждущий нового безумного и остервенелого с этой сучкой Ада соития член, торчал как металлический стержень, как бешенный аспид задирая плоть по торчащему своему стволу до самой уздечки, бороздя оголенной головкой ложе любви, пополз вместе с ним от основания вьющегося по сторонам Изигири длинного змеиного хвоста и анального отверстия демоницы к раскрытой настезь ее вместе с раскинутыми вширь ногами промежности. Он готов был вонзиться вновь в бездонное глубокое, наполненное до краев смазкой как лавой, чрево раскрывшегося как кратер вулкана ее влагалища, промеж широко раскинутых под Элоимом женских покрытых змеиной чешуей ног Изигири. Его под тем здоровенным членом, как у быка, мошонка демона бурлила и снова была переполнена демоническим семенем. Размахивая своими большими пятнистыми перепончатыми в прожилках крыльями и размахивая вьющимся, как длинный удав хвостом, он, разгоняя ползущий белый туман на своем каменном ложе любви, Элоим готовился к новому с Изигирью половому слиянию. К новым звериным оргиям дикого звериного секса и запаха струящейся по их телам черной ледяной крови.

Вскоре два необузданных плотскими любовными страстями

диких зверя огласили своим ревом и стонами свой покрытый стелющимся живым белым туманом черный лес.

Александр летел на всех парах к себе домой. Чуть ли, не бегом, обруливая прохожих и лужи от недавно пролитого с неба дождя.

В него чуть ли не в буквальном смысле врезалась стая городских голубей. Прямо чуть не сбив его они спускаясь с воздуха и громко хлопая крыльями упали ему под ноги. один даже зацепил его с разворота за плечо крылом. Александр аж отпрянул в сторону и выругавшись на птиц, понесся дальше.

Он залетел в квартиру и быстро снова переоделся и рванул обратно в больницу, чтобы отнести чью-то взятую на прокат одежду. Было уже на часах двенадцать дня.

Он ворвался как ураган снова в больницу и сунул в больничной гардероб всю чужую одежду со словами из стационара и рванул обратно уже к своему приятелю Якову. Он по пути никого уже не встретил, и это было хорошо. Потому как сильно торопился. Он и так опоздал на целые сутки, даже больше и поэтому рвал, что есть ноги в их с Яковым штаб квартиру.

Александр понятия сейчас не имел, что там происходит. У него не было телефона, да и звонить откуда-либо времени у него не было. Надо было срочно там появиться, а то Яков его, наверное, потерял. Или Якова уже таскают по следственным органам за ту их почившую старушку.

Александр ни чего не знал, он только спешил на намеченную и сильно запоздавшую встречу. Он прыгнул в отходящий как раз нужный автобус и поехал почти через весь город к Якову Могильному в их студию гипноза и потустороннего опыта с данными, которые он получил от знакомых мистиков и историков эзотериков. Он вез с собой в своей голове захваченный материал об Элоиме. Документы, которые у него

были, точнее их копии, он все потерял вместе с телефоном на пожаре. Поэтому то, что запомнил, у него было в его Александра голове.

Он по дороге все вспоминал об этой девчонке. Эта юная Елена произвела на него неизгладимое детское впечатление. Ее симпатичное молодое совсем личико с голубыми и наивными глазами. Эти наивные детские, но взрослому рассуждения. Попытка казаться уже взрослой в глазах взрослого мужчины. – «Какая же ты еще совсем глупенькая!» – думал про нее Александр – «Хоть и маленькая, но больно, симпатичная. И желающая любить! Хоть, кого-нибудь!» – она не выходила у него из головы – «Хорошая все-таки девчонка. И надо будет ее найти».

Он ехал и думал о ней все время, в автобусах пересаживаясь на нужные маршруты, через весь город.

Миленхирим ждал Алину. Только она ему была нужна. Он чувствовал мир своего брата. Эту потустороннюю ментально-астральную энергию Божественного эфира. Не все еще было потеряно, хотя было много и чужеродной нехорошей и мерзкой энергии исходящей откуда-то извне.

Откуда-то из другого совсем не Ангельского мира. Злого мира. Иностранного и враждебного понятию и пониманию самого Миленхирима.

Миленхирим остался в этой комнате. Больше идти не куда не стоило.

Он теперь только ждал. И ему было не очень тут сейчас уютно, но не куда было деваться.

Он чувствовал своего опять брата Элоима. Чувствовал именно здесь, но там был еще кто-то. Кто-то злой и нехороший. Кто-то тот в том мире, где был его брат Элоим. Умбриэль был прав, когда говорил, что брата надо спасать. Бог хочет спасти своего отпрыска. Спасать от опасности. Он сбежал из Рая быдычи соблазненным Суккубом. Слово ненормальное он был как под влиянием гипноза, что не совсем понятно для Ангела. Он говорил,

о, какой-то Изигири. И будто, она его, оттуда соблазнив, собою увела.

Умбриэль не меньше Бога был заинтересован в спасении его родного близнеца брата. Такого же, как и он, только второрожденного, после

Миленхирима. Там в Райских кущах в источнике жизни. Они друг за другом вышли из этой волшебной Небесной воды, льющейся звездным потоком откуда-то с Неба. И Отец принимал их роды.

Миленхирим посмотрел на часы на стене Алининой комнаты. Было двенадцать часов дня. Он лег на постель Алины и вдохнул воздух.

– Женщины! – он сладостно потянулся и закрыл глаза.

– «Отец!»- подумал Миленхирим – «Отче, Мой!» – он повернул набок голову, вдохнув, не открывая глаз, аромат цветочных духов, стоящих на девичьем столике с зеркалом и сказал вслух самому себе – Я спасу своего брата Отец! Спасу! Чего мы мне это не стоило! И я знаю как! Я верну его Отец! Я увижу снова, своего Умбриэля!

Яков, выслушав, весь и до конца рассказ Алины. Был, потрясен, услышанным. То, что он слышал, было непостижимо. Он ей верил. И как мистик-эзотерик из плоти и крови и как Медиум, который сам сталкивался напрямую с иными потусторонними мирами.

Он слушал Алину, чуть не раскрыв свой рот и ему было интересно. Все было описано так точно и реалистично, что Яков сам мог себе представить в подробностях тот мир, в котором побывала Алина.

Она не выдумывала и не врала. По ней было видно.

Он и сам видел краем глаза этот кошмарный мир. Мир через воспоминания Маргариты Львовны, умершей от удушья у него на руках. Он видел мельком и тот лес, в котором Алина побывала и ту тень по имени Изигирь. Он тогда напугался не на шутку, но профессиональное любопытство брало над Яковом Могильным верх. Он захотел

побывать

через человеческую осторожность и свой страх в том лесу, где побывала Алина. По крайней мере, гибель старухи, будет не напрасной и их все вот эти гонения от исполнительных органов за тот трагический случай. Можно считать это компенсацией за моральный и физический ущерб. Ведь именно из-за этой истории с этим кошмарным призрачным лесом

их опытную мастерскую и студию потусторонних опытов и изысканий хотят прикрыть. Яков захотел увидеть хозяина того призрачного леса из женских сновидений. Того сказочного любовника Эльфа, со слов Алины.

Он захотел своими глазами все увидеть и побывать в том призрачном иллюзорном черном затуманенном белым туманом лесу.

– «Хоть буду знать, за что страдаю» – подумал Яков и предложил ей Алине один единственный опытный сеанс гипнотического сна под его присмотром естественно Якова Могильного. Более того он сам будет в том с Алиной лесу и если, что то поможет вовремя ее и себя вывести из сна, без последствий. Алина не знала о том, что тут недавно произошло, и согласилась на опыт. Он смог ее убедить на него, да и как он ей мог чем-то помочь, встретиться еще раз с Элоимом, и если не будет знать, во отчую, что там произошло в реальности и кто такая Изигирь. Он ей сказал, что если будет что-то не так, то все он сделает так, что та кошмарная демоническая тень им не сможет навредить.

Алина ему поверила. И они начали опыт.

Закрыв мастерскую студию на ключ Яков начал подготовку к предстоящему опыту.

Он предложил Алине лечь на кушетку перед его стоящим здесь же креслом. На то самое место, где лежала недавно умершая здесь скоропостижно Маргарита Львовна.

Занавесив и так не очень большие окна темными шторами из непрозрачной черной и тяжелой на гардинах материи, Яков создал соответствующую предстоящему опыту атмосферу

и обстановку.

Он сел напротив лежащей на кушетке Алины и начал свою работу.

Он стал вводить Алину в гипнотический сонный транс. Отключая ее бодрствующее сознание, переводя его в состояние глубокого сна.

Яков знал, что тот сказочный мир, где побывала Алина, стоит где-то на границе между миром мертвых и миром сновидений. Этот мир еще контактит, каким-то неизвестным образом и с реальным миром, имея своих контактеров в лице молодых девиц и то, только с теми, кого захочет сам. То, есть тот, кого выберет хозяин этого мира. В данном случае, это были очень молодые девицы, разных возрастов, но преимущественно лет девятнадцати и двадцати.

Еще Яков Могильный где-то читал, что где-то в Америке, был подобный случай в году 1985-м, где точно, не знал. Но, случай был тоже трагический. И связанный, именно, тоже с этим странным миром. Миром не коего Элоима. Не то Ангела, не то Демона.

Яков ввел в глубокий сонный транс Алину. И сам себя, отправившись вместе с ней за своей собственной смертью в чуждый ему мир незванным гостем, где ему были не рады. И это факт!

Яков так уже делал и не раз. Когда полностью сам себя и клиента погружал в состояние сонной каталепсии. У него был достаточный профессиональный опыт в области разного вида гипноза. Он делал и над собой опыты в отдельности, но этот случай был особый и Яков совершил непростительную для себя губительную ошибку. Он ввел себя в тот же мир, в котором была и Алина. Он ввел себя в ее сонный мир, мир ее грез и ночных видений, совершенно не зная

того мира куда попал. Впрочем, вся его потусторонняя работа и так была сопряжена с риском, но этот случай по части риска был особый. И Яков от своего съедающего его любопытства и не успокоенности своей медиума и экстрасенса души не поберегся.

Они спали оба. Спали крепким беспробудным сном. И не было никого, кто бы наблюдал их со стороны и если что мог бы вырвать из мира грез ночных и иллюзий.

Они теперь вдвоем шли по корявому с вывернутыми на изнанку ветвями черному лесу. Рядом друг, к другу, обходя страшные кривые деревья и продвигаясь вглубь жуткого живого леса.

В этот раз казалось, сам лес разговаривал с Алиной. Она слышала, как каждое дерево, что-то говорило другому. Как обсуждали деревья их идущих мимо них двоих людей. Даже туман казался, более подвижным, и более живым. Он как-то странно уже немного по-другому вился среди перекошенных стволами черных деревьев. Этот белый как молоко туман, подымался вверх, закручиваясь спиралью, и снова опускался к подножию черного леса.

Яков, был потрясен, увиденным. Он еще не видел так близко ничего потустороннего вообще. Особенно вот этот лес. Из воспоминаний Маргариты Львовны, этот ее лес он видел издали, а здесь вот он. Можно даже было рукой потрогать. А когда касались его либо веток, либо стволов, то деревья как бы вибрировали и дрожали. Имели странную на прикосновение руками реакцию. Были особо чувствительными к прикосновениям. Они как живые организмы росли, казалось прямо из этого ползущего по пологу леса густого белого как молоко тумана.

Алина и Яков шли осторожно по странному корявому сказочному и страшному лесу туда, куда, по словам Алины должен был стоять тот каменный храм Элоима. Она приблизительно помнила, где это, но не совсем была уверена в выбранном маршруте. Алина шла на голос и

ориентировалась по нему. Да и нет никакой гарантии, что они его найдут, даже если здесь проплутают много времени. Они уже долго шли, и не было видно ни конца, ни края этому жуткому живому с кривыми стволами и ветками лесу. Складывалось уже впечатление, что они начали ходить кругами. Заблудится им, не было опасности. Можно было в любой момент проснуться, если что и все, но этот Храм Любви был в этом лесу. И там был этот Элоим. И Якову было интересно, с кем он имеет на этот раз дело. Может, удастся пообщаться с этим лесным любвеобильным духом. Поэтому он заставлял ходить Алину по лесу

сам, когда она хотела остановиться и выйти из сна, хотя бы на время и начать все заново, он говорил что скоро уже, возможно, они прибудут на ту конечную точку. И выйдут на тот лесной готический странный как этот лес полуразрушенный храм.

Яков был сам как под гипнозом и во сне и в отличие от Алины оказался замороженным этим чудным лесом ее ночных сновидений. Он взрослый человек оказался более податливым собственному гипнозу, чем она. Он упорно и настырно не хотел уже выходить из сна, наверное, уже был даже похож на ребенка с капризами, который не хотел покидать песочницу и улицу и идти домой. Он Алину принуждал упорно бродить, по этому, туманному лесу и искать тот храм Элоима.

Так они бродили довольно долго. Яков остановился. Остановилась и Алина в месте похожем на небольшую полянку. Тут действительно было маловато деревьев и некоторые были совсем еще не большие. Как подростки. Да они походили на склонившихся молодых подростков в этом странном еще более чем сам этот черный лес.

Алина наступила на что-то ногой в тумане. Что-то, хрустнуло. Она не узнавала это место. Здесь Алина еще не была. Куда они с Яковым забрели, ей было не известно.

Яков посмотрел на ручные часы и удивился. Время не работало в этом месте. Его Якова часы стояли на одной стрелке, на которой они были еще до прибытия сюда в этот загадочный мир Элоима.

Алине опять стало страшно, более чем было раньше. Она попятилась к Якову, и опять что-то хрустнуло под ее ногой. Что-то хрупкое и тонкое. Что это было, не было видно из-за стелющегося по пологу леса белому как молоко туману.

Здесь она действительно еще не была, и сюда они забрели как бы случайно, наверное, блуждая кругами.

Гость не званный

Снова, что-то хрустнуло под Алининой ногой, и из тумана поднялась согнутая в колене скелета в обветшалых ошметках иссушенной человеческой кожи и плоти нога. Алина взвизгнула и отбежала у Якову.

В это время перед ними закружился белый туман. Он закружился большим сильно подвижным вихрем, и начал подыматься с полога от самых корней деревьев вверх перед Алиной и Яковым. Вихрь набирал свои обороты, и казалось, засасывал воздух, пригибая к себе кривые и вывернутые ветви ближайших к нему деревьев. Вихрь расширился, засасывая весь вокруг себя белый медленно ползущий туман.

Алина вместе с Яковым стояли, как вкопанные не в силах отшагнуть назад от страха. Они онемели и молчали, лишь глядя на это очередное кошмарное необъяснимое и загадочное явление потустороннего мира.

Неожиданно весь вихрь рассеялся прямо перед ними и они обои увидели хозяина этого черного леса. Они лицезрели Элоима.

Элоим схватил Якова и тот даже не смог ничего сделать. Он был схвачен за руки и растянут в стороны как на кресте в момент распятия. Лицо Элоима было в

двух сантиметрах от лица Якова.

Элоим весь светился голубоватой энергией. Весь его обнаженный до пояса в кружащем ниже голого живота и его таких же голых ягодиц тумане. Он практически прильнул своим остроносым красивым Ангельским лицом к лицу Якова.

– Как твое имя, чужестранец! – прорычал Элоим, держа Якова в своих невероятно сильных Инкуба руках.

Алина даже не могла представить его вообще силу. С ней он был ласков и обходителен, подстраиваясь тогда в сексе к ней земной девице на том каменном ложе. Он не казался таким мощным и таким ужасающим и сильным.

В тот же момент Элоим весь изменился. Он, перестал, весь светится. Из спины его распахнулись перепончатые, снова драконьи в пятнах крылья. И завился через пелену тумана из ягодиц вылезший длинный удавий хвост. Алина увидела настоящего теперь Элоима. Она увидела то, кем он по-настоящему был.

– Яков – трясась от страха, пролепетал еле ему слышно Яков – Могильный, я, Яков – он еще раз повторил.

– Могильный, значит – рывкнул Элоим на весь лес – Но, у тебя не будет могилы. И не будет ничего, что можно будет похоронить кому-нибудь! – он поднял Якова перед собой на глазах перепуганной в очередной раз до сумасшествия Алиной и рванул его тело по сторонам, за Якова его

распятые в стороны руки, разрывая тело Якова как какую-нибудь мягкую ватную игрушку.

От Якова ни осталось ничего перед глазами Алины. Только разорванная на части его телесная плоть взрослого мужчины, падающая в туман на полог леса в пасть ненасытной Изигири, которая ползала в то время черной извивающейся тенью в белом тумане. Ползала под ногами висящего над ней Элоима.

Полилась дождем его вниз алая горячая в брызгах кровь. Прямо туда же, куда упали останки.

А туман в этом месте стал пурпурного яркого цвета, и из него поднялась сама Изигирь. Поднялась вверх под ногами, висящего над ней Элоима.

Смотря на Алину, глазами хищного вечно голодного кровожадного зверя. Вся в крови Якова с обнаженных женских ног до головы и мокрых от той пролившейся крови черных как уголь волос.

Она, распустив по плечам мокрые и слипшиеся от крови вьющиеся змеями черные по своим голым торчащим грудям и спине волосы, смотрела глазами кровожадной демоницы на Алину, злорадно насмехаясь над ней. Ее остроносое в дикой гримасе кровавой хищной страсти женское лицо демона Суккуба оскалилось острыми, как иглы зубами и она вмиг обзавелась на глазах Алины таким же, как у Элоима вьющимся, длинным хвостом. Изигирь расправила свои перепончатые такие же, как и у него в прожилках драконьи крылья. И захлопав ими, взмыла вверх к Элоиму.

Обняв его и целуя на показ сопернице, кровавыми тонкими алыми губами прямо его в губы и смотря искоса злобно и злорадно на Алину.

Она обняла его за шею любовника своими в змеиной чешуе, как и у, ее любимого когтистыми руками и прижалась к нему, обхватив одной в чешуе такой же когтистой ногой Элоима за мужскую Инкуба талию.

Элоим смотрел злобно на Алину своими светящимися голубыми глазами.

– Уходи от меня! – рявкнул, на нее Элоим – Ты привела человека в мой мир. Живого человека. Чужого человека, не спросив моего разрешения!

Ты, предала меня! Ты, не нужна мне! – он отвернул от Алины свою красивую в венце короне и в русых длинных развевающихся волосах голову и уже тихо произнес – Уходи, прошу тебя, Алина. Я всегда буду любить тебя! Но, уходи. И не доводи до греха!

В этот момент Изигирь вновь разинула в своей дикой ярости, клыкастую и зубастую пасть в ее сторону. И Алина, не помня себя от пережитого ужаса ничего толком

не соображая, отшатнулась назад и упала, запнувшись за чьи-то в тумане останки. Алина услышала дикий безумный и злобный женский в свою сторону смех. Звериный смех адской ехиды и своей соперницы. Она упала в белый стелящийся по пологу леса туман, и казалось, пролетела сквозь что-то, похожее на какой-то барьер, и вылетела в мастерской студии Якова Могильного. Она ударилась о встретившуюся на ее пути стену, и упала на пол, и уже без сознания. Mistika we fantastika